

**ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТА «СКУКА» В РОМАНЕ
В СТИХАХ *ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН* А. С. ПУШКИНА
И В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК
(К 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина)**

*UDC 821.161.1.09 Puškin A. S.
811.161.1'38*

Лариса Ивановна Чович

Панъевропейский университет, Баня Лука,
Республика Сербская, Босния и Герцеговина

***Аннотация.** В настоящей работе применяется комплексная методика исследования, способствующая изучению языковой репрезентации концепта «скука» на основе сочетания различных методов и способов анализа. Делается попытка построить концепт «скука», с использованием языкового материала романа Евгений Онегин и его перевода на сербский язык. Устанавливается связь между лингвистическими средствами, эксплицирующими концепт «скука», в системе сюжетных событий романа в стихах и в его перевода на сербский язык. Представлена языковая личность скучающего героя с учетом лингвистических и экстралингвистических параметров, участвующих в создании концепта «скука».*

Ключевые слова: *концептуальные лексемы, ядерные лексемы, периферийные лексемы, ассоциативные смыслы, эквивалент.*

Как известно, в России в девятнадцатом веке *скука*— это мода, поза, культурный слой образа поведения дворян, философия их жизни, уклад быта, имеющие воплощение в языке и статус культурного концепта.

Вполне естественно, что в романе А.С. Пушкина *Евгений Онегин*, являющемся, по определению В.Г. Белинского «энциклопедией русской жизни», не могли не найти отражения процессы, происходившие в современном поэту обществе, в частности, навеянные байронизмом, дендизмом и искусственной разочарованностью,

Submitted July 2, 2019; Accepted September 15, 2019

Corresponding author: Larisa Ivanovna Čović

Pan-European University of Banja Luka

E-mail: lrzodobudko@mail.ru

молодежные, пессимистические и даже скептические настроения, проявляющиеся в виде всеобщей модной *скуки-хандры*. Поэтому место концепта *скука* в поэтике А.С. Пушкина нельзя обойти вниманием, особенно в романе в стихах *Евгений Онегин*, где *скука* проявляется и в рефлексии автора, и героев как концепт на фоне многообразных происходящих событий.

Цель настоящей работы состоит именно в описании специфики концепта *скука*, особенностей его отражения в романе А.С. Пушкина *Евгений Онегин* (Пушкин 1986, 186–353) и в его переводе на сербский язык, осуществленный Милорадом Павичем (Пушкин 2017, 3–247).

Основными задачами данного исследования можно назвать следующие: структурирование концепта *скука*, то есть разработка модели, реализующей концепт *сук*, в оригинале и его переводе на сербский язык; выявление значений, понятий, связанных с концептом *скука*, нашедших отражение в рефлексии А.С.Пушкина и его героев; выявление лингвистических средств экспликации концепта *скука* в системе сюжетных событий романа и в его переводе на сербский язык; а также характеристика языковой личности героев произведения, испытывающих скуку, где особое внимание уделяется *скучающему* главному герою.

Принципы и методы, используемые в данном исследовании, следующие:

- *Концептуальный анализ, представляющий собой целый комплекс исследовательских приемов, используемых для описания концепта скука.*
- *Структурно-системный подход к описанию парадигматических связей концепта.*
- *Метод контекстуального анализа, основанный на изучении отношений в тексте.*
- *Компонентный анализ.*
- *Дескриптивный и сравнительный методы.*

Теоретической основой исследования служит теория концепта, разрабатываемая в трудах А. Вежбицкой (Вежбицкая 1996), Д.С. Лихачева (Лихачев 1993, 3–9), Е.В. Сергеевой (Сергеева 2001, 41–46), Ю.С. Степанова (Степанов 1997), В.А. Масловой (Маслова 1997) и др.

Материалом исследования послужили текст романа в стихах А.С. Пушкина *Евгений Онегин* его перевод на сербский язык, осуществленный, как мы уже указали выше, Милорадом Павичем. Объем выборки составил 34 единицы речевой актуализации концепта *скука* в прямом и косвенном выражении в русском языке и 30 – в сербском.

Одним из отражений повседневности и повседневного языка в анализируемом романе А.С. Пушкина и есть выражение в нем концепта *скука*.

Слово *скука* обычно используется для обозначения *состояния*, связанного с философией обыденного сознания, поэтому и употребляется чаще в обыденном языке, чем в языке художественном, философском или научном. Тем не менее *скука* описывается мастерами художественного текста, исследуется философами, психологами и лингвистами.

В частности, Н.А. Бердяев в книге *Самопознание* различает *тоску*, *скуку* и *страх*:

Тоска направлена к высшему миру, обращена к трансцендентному, но неслиянна с ним. На низший мир направлены *страх*, говорящий об опасности, грозящей от низшего мира, и *скука*, свидетельствующая о пустоте и пошлости этого низшего мира. «В тоске есть надежда, в скуке – безнадежность. *Скука* преодолевается лишь

творчеством. Обыденность, повторяемость, подражание, однообразие, скованность, конечность жизни вызывают чувство скуки, притяжение к пустоте...» (цит. по: Степанов 1997, 677–678).

В данном романе *скука* включается в эпистему, связную структуру идей, подтверждающую единством и частотой употребления лексемы *скука* (12) и ее дериватов «скучный» (7), «скучно» (4), «скучать» (3), «скучны» (1), «скучен» (1), «скучая» (1), «наскучить» (1), «докучать» (2), «наскуча» (1).

Предметом анализа избираются концептуальные лексемы (ядерные и периферийные), номинации, входящие в когнитивные структуры, формирующие смысловое пространство, связанное с концептом *скука*. Кроме того, в общем метатексте романа в стихах часто встречаются авторские комментарии к речи героя о скуке, носящие метатекстовый характер.

Рассмотрим, какие черты имеет концепт *скука* в творчестве и рефлексии А.С. Пушкина, а точнее в романе в стихах *Евгений Онегин* и его переводе на сербский язык; как он (концепт) понимается, с какими концептами коррелирует.

Скука рассматривается как концепт на основании таких критериев, как высокая частотность, наличие словообразовательного гнезда и активной производящей основы, вхождение в состав фразеологических конструкций (*наводит тоску*), семантической значимости (емкость) (объект рефлексии, разнообразие синонимов, в первую очередь – окказиональных) (Рудакова 1998).

В современном русском языке слово *скука* встречается часто, однако его употребление в основном ограничивается сферой повседневного языка, это понятие обозначает обыденное явление повседневной жизни.

Наличие словообразовательного гнезда соответствует второму критерию (*скучать, скучно, скучный* и т.д.). Слово *скука* входит во многие фразеологизмы (в широком понимании фразеологии): «Праздность скуку любит», «Кто работает, тот не скучает», «удавлюсь от скуки», «*скука* смертная, бешеная» и др. Последний критерий связан с тем, что в русском языке слово *скука* становится объектом рефлексии, особенно в художественном тексте и эпистолярном наследии XIX века, что выражается, в частности, в подборе синонимов (в первую очередь, окказиональных, например, *беда, болезнь, мода, хандра* и др.).

Рассмотрим структуру концепта *скука*.

Концепт *скука* актуально существует для всех, пользующихся языком русской культуры как средством общения. В современной русской жизни *скука* осознается, прежде всего, как «томление от отсутствия дела или интереса к окружающему» либо как «отсутствие веселья, занимательности» (разг.). Однако по сравнению с XIX веком частота использования данного концепта меньше, это связано с занятостью современного человека, с большим количеством деловых контактов, не допускающих пустоты и промедления.

Итак, являясь концептом культуры, *скука* выражается в языке средствами, выбор которых зависит от того смысла, который вкладывается в него носителями языка. Данные эпистемологического контекста позволяют говорить о разнообразных смыслах, вкладываемых носителями языка в содержание концепта *скука*, поэтому, переходя к исследованию лингвистических средств экспликации данного концепта у Пушкина необходимо определить, какой смысл будет рассматриваться в качестве инвариантного.

Таким образом, *скука* – это сложное психическое состояние, базирующееся на совмещении рационального и эмоционального компонентов, которое может влиять и на физическое состояние человека (бледность, истощение и т.д.). Слово *скука* употребляется для отражения этого психического состояния в языке.

Инвариантное содержание концепта можно представить, рассмотрев словарные дефиниции различных словарей (толковых, синонимов и др.). В словарях слово *скука* определяется через лексемы «чувство», «состояние»:

В *Толковом словаре русского языка* С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1995, 716) лексема *скука* имеет следующие значения:

1. «Томление от отсутствия дела или интереса к окружающему».
2. «Отсутствие веселья, занимательности» (разг.).

Именно поэтому ядерными лексемами концепта *скука* являются:

Скука, скучать, скучный (*досада, досадни, досађивати* – серб.), обозначающие «состояние человека» (интеллектуальное и эмоциональное, которое может влиять и на физическое состояние человека), то есть обыденное явление повседневной жизни человека, так и определенного слоя общества: отсутствие дела, интереса к окружающему.

Лингвистические средства экспликации, представляющие концепт *скука*, используются Пушкиным не только в его собственных комментариях, но и:

- для описания светского общества, дворянского быта, для создания колорита эпохи;
- описания картин природы; а также
- для описания состояния героя, его переживаний; и в первую очередь,
- скуки-хандры главного героя Онегина.

Следует заметить, что вербальное выражение ядерной лексемы *состояние* представлено лексемами: *скука, хандра, сплин, томление* (*досада, досадни, досађивати* – серб.), а также и производными глаголами *скучать, наскучить, надоест*, и прилагательным *скучный*:

1. Так, например, А.С. Пушкин называет *скукой* праздничные затеи высшего света (Пушкин, 2, с.254), сам высший свет – «однообразной семьей», а его развлечения «сыновьями жадной скуки», что представляет окказиональную метафору, показывающую отношение Пушкина к этим развлечениям, не переведённую Милорадом Павичем:

*Подсели дамы к камельку;
Девуцы шепчут в уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовут задорных игроков
Бостон и ломбер стариков,
И вист, донныне знаменитый,
Однообразная семья,
Все жадной скуки сыновья.*
(Пушкин, 2, с.273)

*Девојке нешто шапћу саме,
Уз камин селе њине маме,
И столови су спремни давно.
Играче страсне, старе, нове,
Старачки ламбер, бостон зове,
И вист – још увек име славно,
Све рођаци што исто раде,
Све пород чаме и досаде.*
(Пушкин, с.128)

Кроме того, представление о скуке светского общества писатель создает посредством синонимического ряда с нарастающей градацией, представляющей намеренное преувеличение, с целью усилить подчеркивание действий, приведших к скуке, определенного душевного состояния, в высшем свете: *наскучить, утомить, надоест, разлюбить*; и контекстуальных синонимов (дамы: *непорочны, величавы, умны* и

благочестия полны, осмотрительны, точны, неприступны и несущие несносный, невинный вздор), обозначающих неестественную манеру поведения дам высшего света и их разговоры, вызывающие у Онегина «сплин» (хандру).

*Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему **наскучил** света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены **утомили** успели;
Друзья и дружба **надоели**,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaksu страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.
Причудницы большого света!
Всех прежде вас оставил он;
И правда то, что в наши лета
Довольно **скучен** высший тон;
Хоть, может быть, иная дама
Толкует Сея и Бентама,
Но вообще их разговор
Несносный, хоть невинный вздор;
К тому ж они так непорочны,
Так величавы, так умны,
Так благочестия полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает **сплин** (хандра).*
(Пушкин, 2, с.200–201).

*Не: жар из срца оде рано.
Досадио му светски шум,
А женама не беше дано
Да дуго маме његов ум.
Неверства му је било доста,
А **досадно** другарство поста,
Јер није био таквог кова
Да пије шампањ због другова
И онда кад му то не прија,
Нити да буде добре воље
Када га муче главобоље.
И најзад (мада кавгаија)
Напустио је кавге своје,
Куришуме, сабљу и двобоје. (с.27)
Вас, ћудљивице вишег света,
Напустио је прво он;
И збиља, данас код вас цвета
Досадан, празан, висок тон;
Иако можда нека дама
Тумачи Сеја и Бентама,
Њин разговор је – мада чедна
Несносна бесмислица једна.
А уз то су толико нежне,
Свечане, умне, тачне, вредне,
Опрезне тако, тако чедне,
И мушком свету недосежне,
Да може и сам изглед њин
У човеку да створи **сплин**.*
(Пушкин, с.27–28).

В переводе Милорада Павича отсутствует синонимический ряд с нарастающей градацией, обозначающих действия, ставшие скучными, неинтересными, из-за однообразия или постоянного повторения: «Друзья и дружба **надоели**, / Затем, что не всегда же мог / *Beef-steaks* и страсбургский пирог / Шампанской обливать бутылкой / И сыпать острые слова, / Когда болела голова». (Перевод: А **досадно** другарство поста, / Јер није био таквог кова / Да пије шампањ због другова / И онда кад му то не прија, / Нити да буде добре воље / Када га муче главобоље). Перевод желает лучшего: пропущен стих, относящийся к праздничному столу с модной европейской едой (*Beef-steaks* и страсбургский пирог), и разливающимся на все стороны шампанским, обливающим еду. Кроме того, перевод стиха «И правда то, что в наши лета / Довольно **скучен** высший тон» не соответствует оригиналу: «И збиља, данас код вас цвета / **Досадан**, празан, висок тон», так как в оригинале речь идет не о музыкальном тоне: *висок тон*, а осветских беседах в высшем свете, поэтому должно быть: *модни тон или nobles тон*. У сербов не было высшего общества в пушкинском понимании, и по-

этому и не было высшего тона, эквивалентом может быть заимствованное из французского языка слово *nobles ton*.

2. Скучными Пушкину иногда кажутся и весна, и осень, и зима; то есть концепт *скука* имеет свое лингвистическое пушкинское представление в описаниях картин природы:

*Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжелым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И всё, что радует, живет,
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И всё ей кажется темно?*
(Пушкин, 2, с.294)

*Болно је твоје долажење,
Љубави доба, премалеће!
Какво се тужно узбудење
Кроз крв и душу моју креће!
Како ме слатко, болно греје
Пролеће што на мене веје
И дахом лице моје дира
С олтара дивљег пољског мира.
Или су мени сласти стране?
Па све што буја, све што живи,
Што се весели, блиста, диви,
Досаду ствара, бол и ране
У мојој души мртвој давно.
И све је за њу пусто, тавно.*
(Пушкин, с.160)

В данном отрывке А.С. Пушкин трансформирует фразеологизм *наводит скуку*, в котором он, не меняя смыслового ядра фразеологизма, расширяет его структуру еще одним компонентом, устаревшей лексемой *томленье*, усиливающую экспрессию высказываемого: *ликующее и блестящее и всё, что «радует, живет», наводит не только скуку, но и причиняет автору страдание, муку, печаль*. Милорад Павич передает это с помощью лексического значения данного фразеологизма, в виду его отсутствия в сербском языке. Кроме того, в переводе Милорада Павича «*Приближалась / довольно скучная пора; / Стоял ноябрь у двора*» изменен смысл этого отрывка «*Ближило се / Време кад чама свет освоји; / Већ новембар на прагу стоји*» индивидуально-авторской метафорой переводчика:

*Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.*
(Пушкин, 2, с.255)

*Ал' северно је лето само
Карикатура јужне зиме;
Сине и оде! сви то знамо,
А гордимо се ипак њиме.
Већ је и сунце ређе сјало,
Небо на јесен одисало
И дан је краћи, краћи биво...
С тужним се шумом проређиво
Тајанствен свод што шуме носе.
Поља је крила магла рана,
Караван креиштавих гусана
На југ је хито. Ближило се
Време кад чама свет освоји;
Већ новембар на прагу стоји.*
(Пушкин, с.103)

В деревне зимой скучно: «*докучает взору*» однообразная нагота. Употребленная Пушкиным лексема *взор* относится к высокому стилю. В современном русском языке *взор* обычно *устремляют*. Думается, что синтагма «*докучать взору*» и в пушкинское время была окказиональной метафорой:

*В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно **докучает взору**
Однообразной наготой.
Скатать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.
Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот Walter Scott.
Не хочешь? – поверяй расход,
Сердись иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдет, а завтра то ж,
И славно зиму проведешь.*
(Пушкин, 2, с.256)

*Шта бисмо могли у то време?
У шетњу? Сада пугте наше
И суморне пољане неме
Досадном муче очи наше.
Јахати шумом ил' равницом?
– Запараће коњ потковицом
Неверан, клизав лед под собом
И сигурно ће пасти с тобом.
Под кровом самуј. Време тече;
Ено ти Scott-а; читај, спавај,
Ил' нећеш? – расход проверавај!
Пиј, срди се, па прође вече,
А сутра ће те исто срести
И славно зиму ћеш провести.*
(Пушкин, с.104)

В переводе использованы слова современного сербского языка и поэтому утрачен оттенок архаичности пушкинского текста.

3. Концепт *скука* представлен в описании душевного состояния героя, его переживаний, и в первую очередь, скуки-хандры главного героя, оказавшейся его вечным спутником:

*И снова, преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,
Уселся он – с похвальной целью
Себе присвоить ум чужой;
Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а всё без толку:
Там **скука**, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;*
(Пушкин, 2, с.202)

*И беспослицу опет одан,
И душевном празнином мучен,
Циљ изабро је благородан
Да присвоји ум туђ и учен;
Гомилу књига, ено, спрема
И чита, чита – сврхе нема;
Та досаду, та лажи крије,
Ту савести, ту смисла није;*
(Пушкин, с.29)

В тексте оригинала лексемы *безделье*, *томиться*, *душевная пустота*, являющиеся сопровождающими, перефирийными концепта *скука*, ассоциативно связанных с концептами предвещающие онегинскую хандру, представляющую не только дань моды, но и разочарование, пресыщение главного героя суетой жизни.

В переводе данной онегинской строфы постигнута почти полная эквивалентность не только основных, но и сопровождающих элементов, усиливающих предвещающий недуг, который Пушкин назвал «русской хандрой», которая граничит с *недугом*, с *болезнью*, охватившую главного героя, неудовлетворенного действительностью, *скучающего*, ведущего праздную, пустую жизнь:

Недуг, которого причину
 Давно бы отыскать пора,
 Подобный английскомусплину.
 Короче: русская хандра
 Им овладела понемногу...
 Как Child-Harold, угрюмый, томный
 В гостиных появлялся он...
 (Пушкин, 2, с.200)

И болест, чије су порекло
 Морали наћи већ лекари,
 Сплин, како би се негде рекло,
 Наша чамотињау ствари,
 Овладала је њим помало...
 Ко Child-Harold је недосежан
 Ишо у салон из салона...
 (Пушкин, с.27)

В переводе, к сожалению, не сохранилась характеристика Онегина –*угрюмый, томный*, являющаяся последствием того недуга, который Пушкин назвал *русскою хандрою*.

Таким образом, языковая личность скучающего главного героя романа имеет вербальное выражение с помощью синонимов: «скука», «хандра», «сплин», «уныние», «недуг», «разочарование», используемых Пушкиным для характеристики состояния Онегина со значением: мрачное, тоскливое настроение, передающееся с помощью описания внешнего вида Онегина: «в гостиных появлялся он», «угрюмый», то есть мрачный, неприветливый, безотрадный, и «томный», исполненным истомы.

Судьба героя поменялась в связи со сложившимися обстоятельствами:

Вдруг получил он в самом деле
 От управителя доклад,
 Что дядя при смерти в постеле
 И с ним проститься был бы рад.
 Прочтя печальное посланье,
 Евгений тотчас на свиданье
 Стремглав по почте поскакал
 И уж заранее зевал,
 Приготовляясь, денег ради,
 На вздохи, скуку и обман
 (И тем я начал мой роман).
 (Пушкин, 2, с. 205)

Баи тад је примио, у ствари,
 И позив да у село иде;
 Пре смрти стриц је хтео стари
 Бар још једанпут да се виде.
 На ову вест, у село правце,
 Поштанским спрегом стрмоглавце
 На састанак наи јунак крете;
 Успут је зеву и пун сете
 Припремао се ради пара
 На уздахе и изглед скроман
 (И тим ја почех овај роман).
 (Пушкин, с. 33)

И в этом отрывке переводчик несколько изменил смысл строфы, не заметив важного контекстуального синонимического ряда оригинала: «*На вздохи, скуку и обман*»– «*На уздахе и изглед скроман*».

Онегин едет в деревню. Но и там им овладела скука:

Два дня ему казались новы
 Уединенные поля,
 Прохлада сумрачной дубровы,
 Журчанье тихого ручья;
 На третий роца, холм и поле
 Его не занимали боле;
 Потом уж наводили сон;
 Потом увидел ясно он,
 Что и в деревне скука та же,
 Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
 Ни карт, ни балов, ни стихов.

Два дана су му биле нове
 Самотне доље тога краја,
 Потока приче, шумор зове,
 И сумрачна свежина гаја,
 Ал' трећега, поље и луг мали
 Нису га више забављали;
 Затим га од њих дремеж свлада
 И он већ јасно виде тада:
 Иако дворци булевара,
 Балови, карте не постоје,
 Да и у селу досадно је;

*Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.*
(Пушкин, 2, с.206)

*Стражари и ту чама стара
И прогони га сваког трена
Ко сенка или верна жена.*
(Пушкин, с.34)

В романе в стихах происходит дополнение, обогащение выделенного концепта *скука* расширением национальных, лингвогеографических и пространственно-временных параметров. *Скука* выступает в рефлексии автора и героев, первую очередь – Онегина, как фигура в многообразных проявлениях событий, происходивших в романе. В переводе ключевой глагол *скучать* заменен глаголом *самовати*, что не является эквивалентом, так как значение сербского глагола *самовати* – *быть одиноким*:

*Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;*
(Пушкин, 2, с.208)

*Дивно је место било село
Где Оњегин је самовао;*
(Пушкин, с.39)

Или:

*В глуши, в деревне всё вам скучно,
А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.*
(Пушкин, 2, с.236)

*И тешка вам је селска чама,
А ми... ми ничим не блистамо,
Но искрено смо ради вама.*
(Пушкин, с.77)

В результате проведенного контекстуального анализа можно заключить, что помимо ядерных лексем сферу концепта *скука* формируются околядерные лексемы *праздность, безделье, томление, пресыщение, равнодушие, лень, уныние, зевать, сон*, равно как и фразеологизм *от нечего делать*:

*Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны.
Так люди (Первый каюсь я)
От делать нечего друзья.
(Пушкин, 2, с.213)*

*Стихови, проза, лед и пламен
Нису баш тако много страни;
Досадни беху први дани
Јер нису били истих ђуди,
Ал' затим су се снашли боље,
Јахали сваки дан у поље
И постали баш блиски људи.
Тако се (то и мене пече)
Из досаде другарство стече.
(Пушкин, с.45)*

Этот отрывок переведен весьма не корректно: во-первых, отсутствует антитеза *Стихи и проза, лед и пламень*, которая заменена обычным перечислением, не отражающим суть оригинала: «Стихови, проза, лед и пламен», во-вторых, следовало бы добавить слова *им* в фразу «Досадни беху први дани» – «Досадни **им** беху први дани», в-третьих, русский разговорный фразеологизм *От делать нечего* – заменен свободными словосочетаниями, формирующими простое предложение – «Из досаде другарство стече».

Как справедливо отмечает Ю.М. Лотман, разочарованность героев литературных произведений чаще всего носила разоблачительный пафос и не выходила за рамки «светской причуды». Так задумывался и образ Онегина, но различные исторические события привели к тому, что тема скуки получила иное обоснование. В 1825-ом году

Рылееву Пушкин написал: «Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа» (цит. по: Лотман 1999, 408):

– Я тут еще беды не вижу.	«Па не видим ја зла у томе.»
«Да скука, вот беда, мой друг».	«Досада зло за тебе није?»
(Пушкин, 2, с.224)	(Пушкин, с.62)

Следует добавить, что в результате проведенного контекстуального анализа выявлена периферийнаяоказиональная лексема в концепте *скука* – это лексема *беда*, на сербском языке – это *невоља* (в переводе почему-то лексема *зло*).

Подводя итоги данной работе, следует перечислить также и периферийные, околядерные лексемы, входящие в сферу концепта *скука*. Это лексемы: *праздность, безделье, отвращение, томление, тоскливое настроение, утомить, зевать, пресыщение, равнодушие, лень, уныние, сон, недуг; ФЕ: наводить тоску, от нечего делать* – в оригинале; и *досадни, чама, чамотиња, досада, самовати* – в переводе. И оказиональные лексемы, входящие в концепт *скука*: *беда, болезнь*.

Как мы уже отметили, выявление лингвистических средств экспликации концепта *скука* является одной из задач данной работы, которые проявляются не только в системе сюжетных событий романа, но и в комментариях автора, а его постоянном диалоге с героями и читателем.

Например:

<i>Иль взор унылый не найдет</i>	<i>Ил' више неће срести мене</i>
<i>Знакомых лиц на сцене скучной,</i>	<i>Познато лице када уђем,</i>
<i>И, устремив на чуждый свет</i>	<i>И с разочаранем лорњетом</i>
<i>Разочарованный лорнет,</i>	<i>Пред непознатим, страним светом,</i>
<i>Веселья зритель равнодушный,</i>	<i>Ко хладни гост на пиру туђем,</i>
<i>Безмолвно буду я зевать</i>	<i>Почећу нем и сам да зевам.</i>
<i>И о былом вспоминать?</i>	<i>И да о прошлом добу сневам?</i>
(Пушкин, 2, с.193)	(Пушкин, с.18)

В данном отрывке Пушкин описывает и свое равнодушие, и разочарование, приводящее к хандре, скуке, праздности, что не заметил Милорад Павич и пропустил в переводе значимую для понимания ситуации синтагму: *скучная сцена*. Пушкинские комментарии часто демонстрируют образ поведения дворян, философия их жизни, уклад быта:

<i>Кому не скучно лицемерить,</i>	<i>Јер ко на свету сада мари</i>
<i>Различно повторять одно,</i>	<i>Да увек глуми једно исто,</i>
<i>Стараться важно в том уверить,</i>	<i>Да уверава у те ствари</i>
<i>В чем все уверены давно,</i>	<i>Са којима су сви начисто,</i>
<i>Всё те же слышать возраженья,</i>	<i>Да исте приче слуша свуда</i>
<i>Уничтожат предрассужденья,</i>	<i>И руши безброј предрасуда,</i>
<i>Которых не было и нет</i>	<i>Ал' предрасуда тавих које</i>
<i>У девочки в тринадцать лет!</i>	<i>Чак ни код деце не постоје!</i>
(Пушкин, 2, с.242)	(Пушкин, с.88)

Что касается перевода, то следует отметить пропуск значимого комментария автора: *Кому не скучно лицемерить*, что привело к некоторому искажению оригинала.

Интересна в тексте романа в стихах идентификация автора (А.С. Пушкина) с героем (Евгением Онегиным). Поэт неоднократно подчеркивает их сходство в испытываемых чувствах, в восприятии действительности.

В качестве примера можно привести воспоминания Пушкина о том времени, когда он, как и Онегин, «условий света свергнув бремя», разочаровался в жизни, когда «в обоих сердцах жар угас», что вполне адекватно переведено Милорадом Павичем:

*Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба...
(Пушкин, 2. с.202)*

*Ja огорчен, он сетом свладан.
Обојица смо у то доба
Познали игру страсти јасно;
У оба срца жар је згасно,
Обојицу је срела злоба ...
(Пушкин, с.30)*

Пушкинская *скука* – лишь отчасти дань моде, отражение дендизма, отголосок байронического влияния, а в большей степени – отражение особенностей русской действительности того времени, следовательно, и особенностей русской скуки, не только как позы и слепого подражания, но и как принадлежности мыслящего существа. У Пушкина *скука* связана с душевным состоянием героя, с особым способом мышления, с процессом познания мира. Как верно отметил Лотман, поэтому по-иному осмысливается *скука* Онегина: образ «светского льва» вырастает в «серьезную фигуру, достойную встать рядом с автором» (Лотман 1999, 408).

Но скучает не только Онегин, но и Ленский, и Татьяна, и Ольга.

Так, о скуке Ленского можно узнать из диалога, происходящего между Онегиным и Ленским:

*Ну что ж, Онегин?
Ты зевашь. –
«Привычка, Ленский».
– Но скучаешь:
Ты как-то больше. –
«Нет, равно...»
(Пушкин, 2, с.225)*

*«Но, шта је?
Зеваш, Евгеније?» –
«Навика, Ленски».
– «Ко да ти је
Досадније но пре?»
– «Нимало.»
(Пушкин, с.63)*

Татьяне:
*«скучен был и звонких смех,
И шум их ветреных утех».
(Пушкин, 2, с.218).*

*И клонила се смеха звучног
И забављања њиног бучног.
(Пушкин, с.52), (в переводе – опять пропуск!)*

Или:

*Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне». –
«Что, Таня, что с тобой?» –
«Мне скучно...»
(Пушкин, 2, с.218)*

*«Не спава ми се ноћас, нано!
Отвори прозор...» – «Хоћу, радо,
Ал' шта је то са тобом, рано?»
«Досада... хајде...»
(Пушкин, с.69)*

Ольга тоже томится, «зевает», находясь рядом с Онегиным, который вдруг «скукой вновь гоним»:

*Заметив, что Владимир скрылся,
Онегин, скукой вновь гоним,
Близ Ольги в думу погрузился,
Довольный мщением своим.
За ним и Оленька зевала,
Глазами Ленского искала,
И бесконечный котильон
Ее томил, как тяжкий сон.
Но кончен он.
(Пушкин, 2, с.276)*

*Када се Ленски повукао,
Оњегин мучен чамом новом
Крај Олге се у мисли дао,
Осветом сасвим смирен овом,
Олга је зевала због тога,
Тражила оком Ленског свога
И котилъон је бесконачан
Мучио ко сан дуг и мрачан.
Ал' ево краја.
(Пушкин, с.135)*

В приведенных выше переводах смысл, касающийся анализируемого концепта *скука*, близок оригиналу, если не считать отдельные пропуски текста или иногда есть замена переводчиком глаголов (*скукой гоним – мучен чамом*).

Далее онегинские «сплин», «хандра», «скука» превращаются в «тоску»: Тоска Онегина неоднократно появляется в «Отрывках...». Тоска поселяется в душе героя, когда он находится в поисках чего-то вечного, стремясь испытать чувство внутренней свободы, но так и не находит его в странствиях.

Таким образом, произведение, созданное художником, воплощает объективную универсальную картину мира. Поэтому Пушкин – автор *Евгения Онегина* и творческая личность – предстает перед нами как феномен русского мира с присущими ему национальными и нравственными особенностями и как субъект русского мира, который этот мир осмысливает и формирует. Подводя итоги данному исследованию, следует отметить, что:

- в тексте анализируемого романа *скука* коррелирует с такими понятиями, как «разочарование», «меланхолия», «хандра» («сплин»), «мода», «поза» и имеет специфические черты, обусловленные особенностями русского менталитета, а также зависит от авторского замысла;
- концепт *скука*, помимо собственных смыслов «чувство, состояние» и «объект или обстановка», приобретает *оказиональные смыслы* «тоска», «пустота», «мечтания», «разочарование», «меланхолия», «мода»;
- *скука* главных героев романа А.С. Пушкина *Евгений Онегин* – это сложное состояние, представляющее собой объединение таких начал, как философия жизни (у Онегина), состояние (психическое и физическое – Ольга, Ленский, Татьяна), социальная роль (дендизм);
- анализ средств языковой экспликации художественных концептов, основных элементов авторского сознания, в тексте произведения писателя позволяет обнаружить специфику его идиостиля, отражающего индивидуально-авторское мировосприятие;
- вербализация художественного концепта *скука*, отражая творческое видение автора, тесно связана со всей его речестилевой системой, с образно-ассоциативным мышлением художника слова – Пушкина;

- эта ассоциативная природа концепта, как мы уже отмечали, проявляется в субъективной структуре языковой личности Онегина, представленной в художественном тексте;
- изучение лексических средств языковой репрезентации концепта *скука* позволило выявить весь комплекс лексико-фразеологических единиц, являющихся элементами идиостилия писателя;
- следует добавить, что иногда лексические единицы осложнены авторскими коннотациями, так что в пределах контекста общезыковые значения выявленных лексем фразеологизмов претерпевают смысловую трансформацию, в результате которой возникают индивидуально-авторские значения, трудно переводимые на сербский язык;
- кроме того, при сравнительном анализе лексико-фразеологической вербализации концептов *скука* (рус.) и *досада* (серб.) было констатировано, что имеются значительные расхождения: в русском языке богаче палитра лексико-фразеологических единиц, имеются окказиональные смыслы, которые не были замечены переводчиком. Исследование концепта *скука* помогает установить связь героев А.С.Пушкина с языковым сознанием людей XIX века, которое находит выражение в используемых ими речевых жанрах: монологах, и личных беседах, а также в авторских комментариях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежицкая, А. 1996. *Язык. Культура. Познание.* / А. Вежицкая. М.: Русские словари.
- Лихачев, Д. С. 1993. Концептосфера русского языка. In *Известия АН. Серия литературы и языка* / Д.С. Лихачев. Т. 52, №1. 3–9.
- Лотман, Ю. М. 1999. *Пушкин.* / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство.
- Маслова, В. А. 1997. Введение в лингвокультурологию: Учеб. Пособие. / В.А. Маслова. М.: Наследие.
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. 1995. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений* / С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. Российская АН; Российский фонд культуры; 3-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ.
- Пушкин, А. С. 1986. *Сочинения. в 3-х т.* / А.С. Пушкин . М.: Художественная литература. Т.2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. 186–353.
- Пушкин, А. С. 2017. *Евгеније Оњегин.* Роман у стиховима. Превео с руског Милорад Павић / А.С. Пушкин. 2.изд., ЛОМ: Београд, ММХVII.
- Рубцов, Б. Б. 2001. *Мировые фондовые рынки: соврем. состояние и закономерности развития* / Б.Б. Рубцов. М. : Дело.
- Рудакова, Н. В. 1998. *Тоска в английских переводах А.С. Пушкина*// Международная научная конференция «А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков». Казань.
- Сергеева, Е. В. 2001. *Принципы и методы исследования в лингвистике конца XX века: воспоминания о будущем* // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. Сборник статей научно-методического семинара «ТЕХТУС». - Вып. 61 Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. - СПб. - Ставрополь.С.41–46.
- Степанов, Ю. С. 1997. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования* / Ю. С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры».

**LEKSIČKO-FRAZEOLOŠKA SREDSTVA EKSPLIKACIJE
KONCEPTA «DOSADA» U ROMANU U STIHOVIMA *EVGENIJE
ONJEGIN A. S. PUŠKINA* I U PREVODU NA SRPSKI JEZIK**

U datom radu se primenjuje kombinacija različitih analitičkih procedura koja omogućuje proučavanje verbalne prezentacije koncepta „dosada“. Cilj rada je modeliranje koncepta „dosada“ na materijalu romana Evgenije Onjegin i njegovog prevoda na srpski jezik. Na osnovu niza sprovedenih analiza uspostavljena je veza između jezičkih sredstava kojima se prikazuje koncept „dosada“ u preplitanju sistema sižejnih linija u romanu u stihovima i u prevodu na srpski jezik. Jezička ličnost glavnog junaka čiji život protiče u dokolici prikazana je na osnovu lingvističkih i ekstralingvističkih parametara koji tvore koncept „dosada“.

Ključne reči: konceptualne lekseme, glavne lekseme, periferne lekseme, asocijativne lekseme, ekvivalent.